

[23, с. 65; 24], ср., например, русские наречия *днесь, летось* и т. п., являющиеся рефлексамии винительного времени. Следуя логике Фортунатова, отрицавшего существование темпоральной семантики у номинатива лишь по той причине, что *ryts-vakarēlis* есть фразеологизм, а сам по себе именительный падеж *rytas* или *vakarēlis* не выражает временного значения, мы должны были бы согласиться, что аккумулятивы *день* и *лето* вне контекста тоже не могут обозначать момент действия и что, тем самым, независимый аккумулятив никогда не мог выражать данного значения; но заключение это было бы нетрудно оспорить, так как мы располагаем достаточно многочисленными древнерусскими конструкциями типа *друзии же ночь приближа-ша* (ИЛ, 640), где имя в аккумулятиве несомненно выполняет функцию обстояательства времени.

Отметив, что для А. В. Попова «более древнее значение известной формы (в данном случае — номинатив, не выражающий субъектной семантики. — В. К.) и... более новое представляются одновременно существующими», рецензент уличил автора в «страшном противоречии»: известный факт есть А и в то же время не есть А [5, с. 114]. Однако материал индоевропейских языков в исторические периоды их развития позволяет утверждать, что в этом положении нет никакого противоречия: языковые элементы предшествующих эпох нередко сосуществуют с элементами новыми, развивающимися; так, винительный падеж мог в течение длительного времени параллельно выражать как объектное, так и обстоятельствоное значения [15, с. 123]. Аналогичным образом, вероятно, и именительный мог сохранять как более архаичное употребление, так и более новое значение субъекта.

«Хаотическое смешение» [5, с. 114] более древних и более поздних значений в работе Попова обуславливается, по мнению Фортунатова, тем, что автор не понимает значения падежей и не дает определения падежа. Рецензент обнаруживает у Попова терминологическую путаницу, заключающуюся в том, что понятие «подлежащее» якобы получает в «Синтаксических исследованиях» разные толкования. Однако, на наш взгляд, понятие это у Попова представлено в его историческом развитии. Применительно к эпохе, когда именительный и винительный уже разграничиваются как падеж субъекта и падеж объекта, Попов определяет подлежащее как «главный предмет мысли, от которого действие, выражаемое сказуемым, представляется возникающим, а качество, выражаемое сказуемым, — относящимся к нему» [4, с. 30]. Здесь же автор отмечает, что термин «подлежащее» предполагает уже значительную сложность предложения; подлежащее необходимо предполагает при себе сказуемое. Применительно же к более ранней системе (пережиточно отражающейся и в исторические периоды), для которой было характерно независимое, абсолютное употребление падежей в качестве «одночленных» (односоставных) предложений, Попов использует термины «второстепенное подлежащее», «подлежащее без сказуемого», «объект в широком смысле» [4, с. 56—57]. Очевидно, что термины эти, обозначающие формы, лишь потенциально способные «сделаться подлежащими», отнюдь не адекватны понятию подлежащего как такового, релевантному только в условиях утверждения субъектно-объектных отношений.

Ф. Ф. Фортунатов выступает против отождествления форм винительного падежа мужского рода и именительного падежа среднего рода⁴. Если даже эти формы и имеют общее происхождение, то скорее всего обе они восходят к той форме на *-*т*, которая еще не имела падежного значения [5, с. 117] (точнее — выражала нерасчлененное значение); впро-

⁴ Ср.: «Неактивное имя в форме Пациенса... может занимать в предложении позицию как субъекта, так и объекта. Активное имя в форме Агенса может занимать позицию субъекта. Но что касается позиции объекта, то, чтобы занять ее, оно должно было приобрести форму Пациенса, которая исконно была формой неактивных имен» [25, с. 125]; ср. также [15, с. 69, 75].